

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1801 ГОДА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С. Б. Окунь

Событие 11 марта 1801 г. — убийство Павла I и восшествие на престол Александра I — отнюдь не являлось обычным династическим переворотом. Значение его неизмеримо шире, так как убийство российского самодержца, с одной стороны, характеризовало отношение верхушки господствующего класса — дворянства — к Павлу I, а с другой — было результатом внешнеполитических интриг, в первую очередь Англии.

Классовая политика Павла I в основном не отличалась от политики Екатерины II. За четыре с небольшим года своего царствования Павел подарил дворянам крестьян (обратив их в крепостных) больше, нежели его мать в предшествующие 34 года. Внутренняя политика Павла была реакционна, что обуславливалось его страхом перед событиями во Франции (хотя «ужасы» якобинской диктатуры были уже позади). Эта реакционная направленность внутривполитического курса в значительной мере ущемляла интересы дворянского сословия (отмена дворянских выборов, запрещение выезда за границу, строгая регламентация ношения одежды и т. д.). Главное же, что вызывало недовольство дворянства, находившегося при дворе, — это личные свойства императора. Неуравновешенность его характера создавала полную неуверенность даже у любого из фаворитов, который, будучи утром награжден, мог вечером того же дня отправиться в ссылку. Это, естественно, создавало у дворян неуверенность в своем положении, что способствовало возникновению заговора. Кроме того, внешняя политика императора (его сближение с Францией первого консула Бонапарта) вызвала враждебное отношение со стороны Англии. В силу этого английская дипломатия сыграла большую роль в оформлении заговора. Активное воздействие на придворное окружение, из среды которого формировались заговорщики, оказал русский посол в Лондоне гр. С. Р. Воронцов.

В русской дореволюционной литературе события 11 марта 1801 г. долгое время замалчивались, а в дальнейшем освещались весьма субъективно и неверно. Поэтому исследование профессором С. Б. Окунем историографии данного вопроса восполняет один из пробелов в изучении отечественной истории начала XIX века.

Публикуемая статья — часть большого исследования, которое автор не успел завершить.

Обстоятельства смерти императора Павла I не были тайной для значительного круга современников, а впоследствии — для еще более широкого круга их потомков. Жителям столицы об этом событии неизменно напоминала громада Михайловского замка — внезапно брошенная царская резиденция, впоследствии используемая лишь как помещение для учебного заведения. Об этом же происшествии в самых разнообразных вариациях сообщала и стоустая молва не только в столичном граде, но и на захолустной окраине. Но писать обо всем происшедшем с Павлом I категорически запрещалось. Манифест о вступлении на пре-

стол Александра I утвердил официальную версию о причинах смерти его отца, которая в русской легальной печати продержалась свыше ста лет. Написанный Д. Трошинским документ гласил: «Судьбам вышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоростижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца»¹. Но если об «убиенном» Павле повествовали лишь в зарубежной литературе и в новеллах, сообщаемых из уст в уста, то о «безумном» Павле «с легкой руки» В. О. Ключевского в легальной русской печати сообщалось весьма откровенно. В этом плане решающую роль сыграли его лекции, в которых эта мысль, высказанная еще участниками заговора с целью своего оправдания, была повторена ярко, афористично, в форме не возбуждающего никаких сомнений «диагноза».

В лекциях, прочитанных еще в 1883—1884 гг., В. О. Ключевский отмечал, что вся деятельность Павла носила «не столько политический, сколько патологический характер» и что в ней было «больше минутных инстинктивных порывов, чем сознательных идей и обдуманых стремлений». Широкая преобразовательная программа, с которой Павел выступил в начале царствования, в конечном счете выродилась, по словам В. О. Ключевского, «в припадки жесткого или великодушного характера, в политические анекдоты, и анекдоты составляют все содержание этого царствования»².

Робкие попытки Д. А. Милютина в своей (написанной задолго до выхода в свет курса Ключевского) монографии о русско-французской войне 1799 г. намекнуть, что мероприятиями Павла знаменовался период «преобразований, новых уставов и положений», которыми вводился «порядок в управлении»³, давно уже были забыты. Что же касается брошюры П. Н. Буцинского, вышедшей в свет в 1901 г., где утверждалось, что этот правитель энергично проводил «демократическую программу»⁴, то она была воспринята как забавный анекдот, весьма далекий от реальной действительности.

«Определяющая» линия как в либеральной, так и в реакционной историографии начала XX в. воплотилась в совпадающей характеристике Павла как безумца, столь лаконично и остро сформулированной еще Ключевским. Для либералов безумие Павла являлось убедительной иллюстрацией вырождения «неограниченной» власти, для реакционеров сумасшествие императора служило убедительным оправданием дворцового переворота, о котором говорят, думают, но не пишут. Под явным воздействием В. О. Ключевского охарактеризован Павел и в монографии Н. К. Шильдера, также изданной в 1901 году. В этой работе автор без всякой критики как своеобразное медицинское заключение приемлет фразу из письма английского посла в Петербурге Витворта, сообщавшего лорду Гренвиллю, что «император безусловно не в своем уме», а характеризуя правительственную деятельность этих лет, приходит к выводу, что «все отрасли государственного управления приведены были в четырехлетнее правление императора Павла в неописанный беспорядок»⁵.

Но, несмотря на такое единодушие представителей как либерального, так и реакционного направлений русской исторической науки в оценке психического состояния Павла I, окончательному утверждению этой концепции явно не хватало заключения представителей той науки, которая призвана решать данные проблемы. И вот в 1904 г. концепцию

¹ Н. К. Шильдер. Император Александр первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб. 1904, стр. 6.

² В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. V. Птгр. 1926, стр. 157.

³ Д. А. Милютин. История войны России с Францией в царствование имп. Павла I. Т. 1. СПб. 1852, стр. 6.

⁴ П. Н. Буцинский. Отзывы о Павле I его современников. Харьков. 1901, стр. 2.

⁵ Н. К. Шильдер. Император Павел первый. СПб. 1901, стр. 498, 499.

профессора русской истории В. О. Ключевского вознамерился поддержать профессор психиатрии П. И. Ковалевский, редактор журнала «Вестник душевных болезней», посвятивший специальный очерк Павлу I.

Выводы П. И. Ковалевского были суровы и категоричны. «Прежде всего,— начинал он свое заключение,— Павел был и должен быть душевно неустойчивым, ибо его отец безусловно был душевнобольной»⁶. При этом автор отмечает, что Петр III, отец Павла, «был хил телом и слаб духом, представляя значительную душевную неуравновешенность, неустойчивость и явления эмоции низшего порядка». В противоположность Петру III Екатерина II была женщиной «физически мощной и умственно гениальной». В итоге «такое сочетание свойств родителей имело последствием то обстоятельство, что Павел унаследовал натуру отца, значительно смягченную высокими духовными качествами матери»⁷. «Умственные способности Павла,— как считает Ковалевский,— были не из особенно блестящих. Они стояли даже ниже среднего уровня, но во всяком случае они были выше и мощнее, чем у его отца». Характеризуя умственную жизнь Павла, Ковалевский прежде всего отмечает отсутствие «предохранительной сосредоточенности», внимания и настойчивости. Павел был склонен к «бреду мнительности», подозрительности и мании преследования. Его умственная жизнь была подчинена «эмотивной области», а воля находилась во власти чувств. Его волевые действия были игрищем страстей. «Его должно,— заключает свою мысль Ковалевский,— отнести к дегенератам высшим, к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда и преследования»⁸.

П. И. Ковалевский не затрагивает в своей статье вопрос о закономерности событий 11 марта 1801 года. Но его вывод — безумцу не место на троне — высказан со всей категоричностью в заключительной фразе статьи, заимствованной из работы Н. К. Шильдера: «Все странности и безумные деяния должно отнести к несчастному сочетанию личных свойств с неограниченною властью, доставшейся ему по наследству. Тупой, упрямый, невоздержанный, он, став самодержцем, искренне был убежден, что весь мир существует единственно для его желаний, капризов, прихотей; он потерял способность правильно мыслить, стал действовать, как самодур, и до последней минуты был ослеплен своею властью, ей только доверял, на нее только опирался»⁹. Мы не располагаем никакими данными для того, чтобы опровергнуть собственно медицинские выводы, сделанные Ковалевским. В то же время мы не можем не отметить, что все вышесказанное, в сущности, не имеет прямого отношения к Павлу I, а является тщательным анализом не реального, а созданного по анекдотам образа.

Начнем с исходного положения выводов психиатра — с тяжелой наследственности, полученной Павлом от Петра III. В то время, когда писалась статья Ковалевского, в иностранной литературе уже давно были опубликованы сведения о болезни Петра III, препятствовавшей ему иметь наследников, оглашены были и бесспорные данные о связи Екатерины II с С. Салтыковым, которого и считали отцом рожденного ею сына. И если даже весь этот материал оставался неизвестным Ковалевскому, он не мог не обратить внимания на много говорящую фразу по этому поводу в монографии Н. К. Шильдера, которой он широко пользовался и даже цитировал в своей статье. «По существу,— писал Шильдер,— событие 20 сентября (то есть рождение Павла.— С. О.) подверглось впоследствии в русской историографии различным толкова-

⁶ П. И. Ковалевский. Император Павел I. «Вестник душевных болезней», 1904, № 3, стр. 39.

⁷ Там же, стр. 1.

⁸ Там же, стр. 41.

⁹ Там же, стр. 44.

ниям; мы же удовольствуемся здесь заметить: явился сын Минервы, и предадим забвению печальную память о его отце»¹⁰.

Итак, утверждение, что «Павел был и должен быть душевно неустойчивым, ибо его отец безусловно был душевно больной», не подтверждает концепцию Ключевского, поскольку отцовство Петра III представляется весьма и весьма сомнительным. Не мог убедить вдумчивого читателя и ряд примеров, приводимых П. И. Ковалевским для иллюстрации тех отклонений от нормы, которые якобы были Павлу присущи. Все они, как правило, почерпнуты из работы Н. К. Шильдера и из сборника анекдотов о Павле, вышедшем в свет в том же 1901 году¹¹. При этом нельзя не заметить, что сами составители этого сборника отмечали, что он предназначен для изучения не конкретной исторической личности, а лишь отношения к нему современников. Однако, всецело поверив этим двум изданиям, Ковалевский не счел необходимым выделить зерно истины из снопа фантазии и, допуская в ряде случаев сокращения и умолчания, еще более, чем Шильдер и составители сборника, исказил действительность.

Одной из характерных особенностей Павла I, свидетельствующих о его неуравновешенности, утверждает Ковалевский, является чрезмерное развитие фантазии. «Он часто жил образами этой фантазии как чем-то действительным»¹². И в доказательство справедливости этого положения Ковалевский приводит рассказ о том, что Павел неоднократно воображал себя командиром дворянского отряда, численность которого якобы достигала 1 200 человек. В противоположность множеству других сведений, позаимствованных у Шильдера, данному рассказу следует верить, ибо он восходит к запискам Порошина — в высшей степени надежному источнику. Но все дело заключается в том, что Ковалевский умолчал, что этот рассказ касается событий 1762 г., то есть относится к тому времени, когда Павлу было всего лишь 8 лет. Это была детская игра, которая присуща почти всем нормальным детям данного возраста, и делать на ее основании выводы о душевном состоянии человека в 44—45 лет вряд ли возможно. При этом нельзя не отметить, что, рассказывая об этой игре, Шильдер счел необходимым точно ее датировать¹³.

Развивая далее доводы, подтверждающие неполноценность Павла I, Ковалевский приходит к заключению, что сильно развитая у изучаемого им объекта фантазия нередко приводила к галлюцинаторному бреду. В качестве подтверждения этого важнейшего для его заключений положения Ковалевский приводит собственный рассказ Павла о его встрече на улице ночного Петербурга с тенью Петра I. Вспоминая об этом событии, Павел сообщил, что тень Петра точно указала ему на то место, где со временем будет поставлен «медный всадник», и в заключение беседы назвала его бедным Павлом, бедным князем¹⁴. Ковалевский приводит эту новеллу, полностью опуская обстоятельства, при которых она была доведена до слушателей. В его транскрипции она действительно выглядит как откровенное повествование о пережитых галлюцинациях. Однако у Шильдера, который также склонен расценить этот рассказ как признак умственной неполноценности императора, все обстоятельства, связанные с признанием Павла, изложены весьма подробно и при объективном рассмотрении могут придать данной истории совсем другое направление.

Этот «откровенный» рассказ датируется 1782 г., когда Павел находился во время заграничного вояжа в Брюсселе. Придя из театра, на-

¹⁰ Н. К. Шильдер. Император Павел первый, стр. 2.

¹¹ «Павел I». Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. Сост. А. Генс и Томич. СПб. 1901.

¹² П. И. Ковалевский. Указ. соч., стр. 3.

¹³ Н. К. Шильдер. Император Павел первый, стр. 64.

¹⁴ П. И. Ковалевский. Указ. соч., стр. 10—13.

следник и его спутники проводили время в дружеской беседе. Разговор, как сообщает баронесса Оберкирх, «перешел на предчувствия, сны, предзнаменования». Обратились с просьбой к упорно до сего времени молчавшему Павлу, чтобы он рассказал что-либо таинственное из своей жизни. И тогда Павел якобы поведал о своей встрече и беседе с тенью Петра, предварив, однако, свое выступление очень любопытным обращением. «...Я прошу вас, господа, сохранить эту дипломатическую тайну, — заявил он улыбаясь, — потому что я вовсе не желаю, чтобы по Европе разошлась история о привидении, рассказанная мною, да еще о себе»¹⁵. Склонная к мистицизму и лишенная чувства юмора Оберкирх занесла этот рассказ в свои мемуары, и «секрет» тем самым стал не только достоянием современников, но и потомков, которые на этом материале через 100 с лишним лет пытались проиллюстрировать безумие Павла. Между тем в рассказе явно чувствуется желание заинтриговать аудиторию необычностью сюжета, а в просьбе сохранить тайну — тонкая издевка над любителями таинственного и потустороннего.

О невозможности использования этого рассказа для медицинского заключения с полной категоричностью высказался другой медик, В. Ф. Чиж, заявивший, что «весь рассказ Павла Петровича для психиатра представляется плохой выдумкой»¹⁶.

Однако в начале XX в., несмотря на глубокое молчание, царившее вокруг вопроса о смерти Павла, в некоторых работах (таких, например, как монография Шильдера, которая, по словам В. И. Семевского, была издана столь «изящно», что «по своей высокой цене едва ли может иметь большое распространение»¹⁷) порой уже допускались весьма недвусмысленные намеки по поводу мартовских событий. Так, Шильдер приводил отрывок из записок Я. И. де Санглена (возглавившего в царствование Александра I тайную полицию) о его беседе с извозчиком в ночь смерти Павла, где многоточия призваны были заменить сведения о готовящемся покушении. «Извозчик спросил его, — сообщал Шильдер об этом разговоре, — «Правда ли, сударь... какой грех?» — «Что ты, с ума сошел... ради бога не ври». Извозчик нисколько не смутился и ответил: «Помилуйте, сударь, у нас на бирже только и твердят: конец!». Приводит Шильдер и сообщаемый де Сангленом разговор двух участников убийства — Н. Зубова и Яшвиля. Имея в виду события 11 марта, Н. Зубов громко-гласно заявил: «А дело было жаркое». Автор сообщает и о том воздвигнутой, которое оказала насильственная смерть Павла на нового императора. «Чувствительная душа Александра, — пишет он, — навсегда оказалась растерзанною событием 11 марта, и воспоминание о нем не покидало его более ни в радостные, ни в печальные минуты его царствования: оно наложило печать на всю его последующую жизнь»¹⁸.

Но если Шильдер еще мог рассказывать своим хорошо осведомленным читателям о причинах смерти Павла с помощью лихих восклицаний участников заговора, лирических отступлений самого автора и, наконец, с помощью многоточий, превращавших простого извозчика в великого конспиратора, то для другого, более демократичного читателя бдительная цензура считала подобный прием совершенно недопустимым.

Так освещался, точнее, не освещался, этот вопрос вплоть до первой русской революции, когда на некоторое время были сметены цензурные ограничения. Как только были сняты цензурные запреты, на книжный рынок хлынул поток брошюр, сообщавших различные сведения о собы-

¹⁵ Н. К. Шильдер. Император Павел первый, стр. 167.

¹⁶ В. Чиж. Император Павел I. «Вопросы философии и психологии», 1907, кн. 90(V), стр. 672.

¹⁷ В. И. Семевский. Вступительная статья в кн.: А. Г. Брикнер. Смерть Павла I. СПб. 1907, стр. III.

¹⁸ Н. К. Шильдер. Император Павел первый, стр. 495, 496.

тиях, происшедших в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Сам факт печатного подтверждения того, о чем целое столетие сообщалось из уст в уста, уже являлся сенсацией. Кроме того, представлявшиеся теперь возможности публикации были использованы и для издания исследовательских монографий, посвященных Павлу, в первую очередь переводных. К их числу принадлежит и работа профессора русской истории Дерптского университета А. Г. Брикнера «Смерть Павла I», вышедшая в свет в 1907 г. с предисловием В. И. Семевского.

В предисловии В. И. Семевский отметил, что эта книга, впервые изданная в Штутгарте в 1897 г. на немецком языке и переиздаваемая теперь в русском переводе, за истекшее десятилетие несколько устарела в фактологическом отношении, в частности в связи с появлением новых русских исследований. Но с этим утверждением, как нам представляется, вряд ли полностью можно согласиться, поскольку те работы, на которые ссылается Семевский, вышли в свет в период цензурных ограничений и событий 11 марта почти не касались. Вот почему значительная часть сведений, относящихся к антипавловскому заговору и его реализации, представляла для русского читателя последнюю новинку. Но в концепционном плане (что, однако, В. И. Семевским отмечено не было) точка зрения А. Г. Брикнера к 1907 г. действительно, с одной стороны, устарела, а с другой — возродилась, и при этом в весьма неожиданном для автора обличье. А. Г. Брикнер умер в 1896 г., незадолго до выхода в свет немецкого издания своей книги, весьма ярко воплотившей концепцию реакционной части представителей русской историографии по этому вопросу. Но к тому времени, когда было выпущено русское издание, эта концепция была уже отброшена реакционной историографией и горячо подхвачена представителями либерального направления. Этим объясняется тот факт, что предисловие к монографии Брикнера пишет Семевский и что эта книга реакционного историка пользуется широкой популярностью в либеральных кругах.

Исходным моментом концепции Брикнера являлось давно уже прочно утвердившееся мнение, что Павел в конце своего царствования был душевнобольным. Но если раньше в работах, издаваемых в России, это громко произносимое утверждение неизменно сочеталось с глубоким молчанием по поводу вытекавших отсюда выводов и решений, то теперь это признание сочеталось с детальным рассмотрением проблемы закономерности и законности последовавших в связи с этим событий. Наиболее веским доказательством безумия Павла, по мнению Брикнера, являются свидетельства современников, которые, кстати сказать, отбираются им без учета лагеря, к которому тот или иной современник примыкал, и времени, когда это заявление было сделано. В этом плане наибольший материал прежде всего давали письма С. Воронцова, вражда которого с Павлом сочетала в себе и принципиальные и личные моменты. А. Г. Брикнер оперирует оценками Воронцова довольно часто, считая их не только наиболее резкими, но и наиболее обстоятельными. Он приводит отрывок из его письма. «Сумашествие Павла, — пишет в нем Воронцов, — в последние восемь или десять месяцев его жизни бросается в глаза. Образ действий его относительно других государей и государств доказывает, что дух его был помрачен». И на той же странице помещен отрывок аналогичного характера из другого письма Воронцова. «Я убежден, — писал С. Воронцов брату, — что покойный государь имел несчастье быть душевнобольным; я считаю его столь же мало вменяемым, как маленького ребенка, который себя и других ранит бритвой, так как никогда раньше не видел бритвы и не знает ее употребления»¹⁹. Несколько ниже приводятся апелляции Воронцова к Н. Панину, который, подобно Воронцову, оказался в опале за проанглийский курс внешней политики и так

¹⁹ А. Г. Брикнер. Указ. соч., стр. 58.

же, как и он, считал Павла помешанным тираном. Далее Брикнером приводятся свидетельства близкого друга Воронцова лейб-медика Роджерсона, отрывок из записок приятеля Палена и Бенигсена Ланжерона²⁰ и др.

Итак, читателю представлен на первый взгляд ряд авторитетных свидетелей-современников. Однако все они непосредственно связаны с заговорщиками, все они закономерно ищут этические и политические оправдания убийству, совершенному их друзьями. Кроме тенденциозно подобранных современников, активными участниками «консилиума» являются столь же тщательно отобранные авторы исследований и в первую очередь Т. Бернгарди. Здесь опять-таки приводятся лишь те его высказывания, где он характеризует Павла как ненормального человека. Так, рассказывая об отношении Павла к принцу Евгению Вюртембергскому, Брикнер считает необходимым привести отрывок из изданной в Лейпциге в 1875 г. книги по истории России Бернгарди, в котором автор пишет: «Вскоре его расположение к красивому и умному мальчику усилилось до беспредельной и страстной экзальтации, которая, как все проявления Павла, граничила с безумием». Цитируя Бернгарди и ссылаясь на авторитетность его заключений, Брикнер не затрагивает вопроса о достоверности используемого им материала. Он утверждает, что все выводы Бернгарди сделаны «на основании неизвестных, но в данном случае, вероятно, очень важных источников»²¹. Между тем с источниками в работе Бернгарди и не только при освещении вышеупомянутого эпизода, но павловского царствования в целом не все обстоит благополучно. И нельзя не согласиться с М. В. Клочковым, который в связи с утверждением Бернгарди, что цель заговора 1801 г. заключалась в том, чтобы устранить от управления страной помешанного императора, писал: «Об отзывах Бернгарди можно сказать только одно: он слишком прислушивался к тому, что рассказывали о Павле его враги-заговорщики, как Бенигсен и другие, и в своей книге воспроизвел их мысли и отзывы»²².

В довершение всего все эти однотипные заключения свидетелей и исследователей перемежаются в книге с безоговорочными утверждениями такого же плана, принадлежащими самому Брикнеру. Характеризуя Павла как «душевнобольного злодея», он старательно подчеркивает, что к концу его царствования «усиление цезарского безумия до крайних пределов увеличивало опасность, грозившую государству, подданным и лицам, окружавшим императора». Опасность, угрожавшая России, возросла до такой степени, что принятие решительных мер становилось делом патриотичным. Отсюда следовал итоговый вывод Брикнера: «Если можно считать какой-нибудь государственный переворот спасительным, то это именно переворот 1801 г. в России»²³. Надлежало выполнить замысел Екатерины, ибо «устранение Павла было исполнением ее воли». К сожалению, ее завещание было осуществлено с опозданием на четыре года и с помощью иных методов. Но если бы все совершилось своевременно и именно так, как она того желала, «не было бы совершено и одного из самых ужасных насилий, какие известны в истории»²⁴.

В чем же, однако, причина того обстоятельства, что удаление от власти человека, лишенного разума, не обошлось без кровавой расправы, без применения удавки, золотого портсигара и офицерских сапог? Все дело, по мнению Брикнера, заключалось в том, что в России пол-

²⁰ Там же, стр. 59, 64.

²¹ Там же, стр. 48.

²² М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пгг. 1916, стр. 51.

²³ А. Г. Брикнер. Указ. соч., стр. 17.

²⁴ Там же, стр. 3.

ностью отсутствовало законодательство, дававшее возможность при болезни правителя ограничить его власть регентством без применения насилия, как это имело место в других западноевропейских странах. В Дании, например, при Христиане VII, с 1784 г. регентом был провозглашен будущий король Фридрих VI. В Англии вследствие душевной болезни короля Генриха III неоднократно правил принц Уэльский. Однако в России отсутствие соответствующего законодательства привело к тому, что план регентства «обсуждался весьма немногими лицами в глубокой тайне и независимо от каких бы то ни было политических учреждений, так что приобрел характер заговора». Итак, «чрезвычайные обстоятельства требовали чрезвычайных мер. Чтобы противопоставить силу силе, нужно было красться во мраке»²⁵.

В свою очередь, то обстоятельство, что стремление к законному регентству неизбежно должно было привести к заговору, который был невозможен без привлечения значительной группы гвардейских офицеров, не могло не окончиться кровавой развязкой. «Произошло, — как утверждает Брикнер, — возмущение военных», и «известное число офицеров решилось сыграть роль палачей»²⁶. Однако следует ли сурово судить этих, слегка разгоряченных вином гвардейцев за совершенное ими убийство безумца? И возможен ли был иной исход, учитывая непримиримость Павла и его категорический отказ идти на какие бы то ни было уступки? Сумасшедший дом подчиняется своим этическим правилам, а Михайловский замок в мартовскую ночь 1801 г. Брикнер уподобляет дому для умалишенных. «Психиатрам и сторожам в психиатрических больницах, — пишет он, — не вменяется в преступление нарушение истины по отношению к опасным больным. Экстравагантность характера Павла и необычайность его положения требовали, чтобы при изыскании средств для спасения не стесняться обычными соображениями». И, заканчивая раздел книги «Вечером перед катастрофой», А. Г. Брикнер писал: «Мы видим, что на первом плане стояла забота об общем благе, спасение страны от грозившей ей беды. Решено было пожертвовать больным. Так Павел шел навстречу своей судьбе»²⁷.

На первый взгляд перед нами стройная концепция, всецело и убедительно оправдывающая цареубийство 11 марта и не подверженная каким-либо сезонным изменениям. Мирным путем, как утверждал Брикнер, покончить с павловской деспотией было нельзя хотя бы уже потому, что русское законодательство такого акта, как установление регентства, не предусматривало. В свою очередь, маниакальное упорство Павла не давало возможности добиться от него соответствующих подписей для «добровольного» согласия на установление над ним опеки. Пришлось прибегнуть к насилию. А в таких обстоятельствах трудно бывает установить определенные его границы. Тем более что во имя блага России гораздо лучше было несколько «передушить», чем «недодушить». Однако испытания временем эта весьма тонко продуманная концепция выдержать не смогла и сохранила свою действенность для реакционной историографии лишь до первой русской революции.

В 1905—1907 гг., когда народные массы решительно выдвинули требование о свержении самодержавия, вопрос о «неприкосновенности» личности монарха приобрел особую остроту. Теперь утверждать, что русские люди имели право в определенных обстоятельствах покончить с неспособным к правлению «помазанником божьим», явно было не в интересах реакционных кругов. Однако подобная «теория» именно в этих обстоятельствах вполне устраивала представителей либерального лагеря. Утверждение, что пролитие царской крови произошло из-за отсутствия в России соответствующего конституционного акта, должно было послу-

²⁵ Там же, стр. 59.

²⁶ Там же, стр. 34.

²⁷ Там же, стр. 52, 101.

жить убедительным доводом необходимости введения конституционного строя, что явилось бы надежной гарантией нормального развития русской государственности. Эта мысль, провозглашаемая в момент, когда самодержавной власти угрожала смертельная опасность, по мнению либеральных кругов, должна была, с одной стороны, предоставить возможность использовать революцию для нажима «на верхи», а с другой— с помощью уступок со стороны самодержавной власти покончить с революцией.

И трагическая судьба Павла вновь оказалась в водовороте политических событий именно вследствие вышеуказанных соображений. Вот почему В. И. Семевский и решил предпослать собственное предисловие к книге Брикнера. Свою статью он начинает с повторения утверждений Брикнера о безумии русского правителя. «Павел,— вслед за Брикнером пишет В. И. Семевский,— был тем государем, который более четырех лет заставлял страдать Россию и доведший самодержавный произвол до совершенной бессмыслицы»²⁸. Он полностью солидаризуется с Брикнером, который приходит к выводу, что Павел «по крайней мере в конце царствования» был «душевнобольным человеком». Но, признав правоту Брикнера в определении психического состояния Павла, В. И. Семевский отмечает явную недоказательность в этом вопросе сочинения Ковалевского. «Вопрос о душевной болезни Павла,— пишет он,— следовало бы вновь рассмотреть психиатрам, так как очерк г. Ковалевского мы не можем признать удовлетворительным»²⁹. Этот призыв к новому исследованию вопроса с медицинской точки зрения, сделанный несмотря на то, что выводы Ковалевского полностью совпадали с мнением Брикнера и самого Семевского, был обусловлен тем, что неубедительность использованных профессором психиатрии исторических материалов и шаткость его выводов порой приводили читателя к заключениям, явно противоречившим тем, которые делались самим автором.

Но, соглашаясь полностью в характеристике Павла с Брикнером и отмечая, что он в своей книге «в общем правильно излагает и освещает ход событий», Семевский в то же время считает необходимым уточнить и развить одно из положений Брикнера. Он не может разделить утверждение Брикнера, что Павел погиб лишь «вследствие отсутствия закона, предусматривающего душевную болезнь государя». В условиях абсолютистского государства наличие такого закона вряд ли приведет к установлению регентства без «серьезных замешательств». Тем более при Павле, который даже подумывал об изменении порядка престолонаследия и всегда мог отменить законодательный акт, ограничивающий его права. И далее Семевский в несколько завуалированном виде высказывает свою сокровенную идею, которая и предопределила его интерес к сочинению Брикнера. «Деспотическое, жестокое правление Павла,— пишет в заключении своей статьи Семевский,— должно было наводить на мысль о необходимости ограничения самодержавия»³⁰. При этом Семевский отмечает, что в свое время об этом вполне серьезно думали не только Панин, но и наследник престола Александр (это Брикнером в его книге детально не было освещено). Именно в этом тезисе и заключался тот «либеральный бутон», который вырос на реакционном стебле. Однако в павловские времена дело свелось лишь к «перемене лица». При его преемнике «проявились не только конституционные, но в обществе декабристов и республиканские течения. Теперь нежелание правительства осуществить назревшие политические и специальные преобразования должно вызвать широкое распространение мысли о действительной необходимости перемены самой формы правления»³¹.

²⁸ Там же. Статья В. И. Семевского, стр. II.

²⁹ Там же, стр. XVI.

³⁰ Там же, стр. XI.

³¹ Там же, стр. XIX.

Между тем призыв В. И. Семевского к психиатрам встретил незамедлительный отклик. В том же 1907 г., через три года после напечатания статьи П. Ковалевского, появилась упоминавшаяся выше работа профессора В. Чижа. Это был ответ психиатра психиатру. И хотя обе статьи строились почти на одном и том же материале, диагнозы профессоров были диаметрально противоположны. П. Ковалевский заканчивает свое исследование категорическим утверждением: «Павел был и должен быть душевно неустойчивым». В. Чиж начинает свое исследование столь же категорическим утверждением: «Павел I не страдал душевной болезнью». Однако, пытаясь проанализировать причины, приведшие к событиям 11 марта 1801 г., дискутирующие авторы, в сущности, приходят к тождественным выводам. И безумный Павел, по мнению П. Ковалевского, равно как и нормальный Павел, по мнению В. Чижа, с одинаковой неизбежностью должны были стать, во имя спасения России, жертвою заговора.

Опровержение доводов П. Ковалевского В. Чиж ведет на основе детального психологического анализа характера Павла. Последовательно излагая его жизнь, прослеживая процесс его формирования как личности, В. Чиж одновременно пункт за пунктом отвергает доводы своего предшественника. Прежде всего он сразу же отмечает необходимость изучения наследственности по отцовской линии, с чего Ковалевский начинал свои доказательства. Делать какие-либо выводы «на спорном, недоказанном и маловероятном допущении,— пишет В. Чиж,— по меньшей мере потерянный труд»³². Весьма убедительно В. Чиж опровергает и базирующиеся на записи Оберкирх выводы П. Ковалевского о наличии у Павла галлюцинаторного бреда. Рассказ о встрече с тенью Петра I В. Чиж назвал «плохой выдумкой». «В сочиненном Павлом Петровичем видении,— пишет он далее,— были ясные галлюцинации зрения, слуха и осязания; эти галлюцинации продолжались долго, были стойки, содержательны; все это не может появиться сразу: галлюцинации, как и все патологические явления, развиваются и прекращаются постепенно». Продолжая разбор этого основополагающего для П. Ковалевского источника, В. Чиж отмечает: «Только в рождественских рассказах бывают вещи видения; в жизни ничего подобного не случается, и потому рассказ цесаревича о том, что видение его покинуло именно на том месте, где потом был поставлен памятник Петру Великому, указывает на то, что весь рассказ выдуман»³³. В ряде случаев В. Чиж убедительно доказывает, что некоторые действия, совершенные от имени Павла, которые иначе, как поступками безумца, объяснить нельзя, в сущности, являются провокационными актами, сознательно предпринимаемыми со стороны высших сановников, ставивших своею целью дискредитацию императора.

Итак, вывод В. Чижа, неоднократно им повторяемый и убедительно доказываемый, гласит: «Павел I не страдал душевной болезнью. Никаких убедительных доказательств психической ненормальности императора у современников не было». Еще менее доказательны заключения историков, вынужденных ограничиваться «или неопределенными выражениями, или прибегнуть к гипотезам»³⁴. Но, не оправдав надежд Семевского на возможность получения от психиатра вполне научного обоснования ненормальности Павла, В. Чиж полностью солидаризуется с ним (хотя и по другим обстоятельствам) в вопросе о неспособности сына Екатерины к государственной деятельности. «Кратковременное царствование Павла I,— пишет он,— показало, что мудрая императрица вполне верно понимала своего сына: действительно его действия по воцарении свидетельствовали, что он не был душевнобольным, но был вполне

³² В. Чиж. Указ. соч. Кн. 88, стр. 229.

³³ Там же. Кн. 90, стр. 672, 673.

³⁴ Там же, стр. 665.

неспособен царствовать»³⁵. Это обстоятельство, по мнению В. Чижа, определялось тем, что в психической жизни Павла явно сказывалось преобладание разрушительных процессов. Этому «соответствовали крайняя быстрота в возникновении, смене и исчезновении психических процессов, крайняя живость двигательных реакций на все раздражения».

После вступления на престол несдержанность Павла значительно возросла. «При жизни матери Павел I,—отмечает В. Чиж,—боялся ответственности, и этот спасительный страх сдерживал его аффекты; когда власть оказалась в его руках и не было основания бояться ответственности, тогда можно было раздражаться «до бешенства». И все это в совокупности привело к деспотическому самовластию. «Никогда в истории,—пишет В. Чиж,—самодержавие не было так безгранично и никогда неограниченное самодержавие не было в столь благоустроенном и могущественном государстве, каким была Россия в 1796 г.». Явно идеализируя личность Екатерины и систему ее управления, В. Чиж приходит к выводу, что «разрушительная» сила Павла угрожала процветающей России полнейшей катастрофой: «После четырехлетнего беспримерного управления государственный механизм оказался настолько расшатанным, что дальше этот единственный опыт в истории продолжаться не мог: России угрожала война, финансы были в полном беспорядке, все опытные государственные люди — сотрудники Екатерины были не у дел»³⁶. И в своих выводах автор полностью соглашается с принцем Вюртембергским, заявившим, что Павел «причинил более вреда, чем мог бы это сделать действительно душевнобольной»³⁷. «Теперь,—пишет далее Чиж,—весь трагизм положения в том и заключен, что Павел не был душевнобольным. Больного правителя легко можно было бы убрать чисто юридическим путем, опубликовав соответствующую документацию. Но для того, чтобы избавиться от здорового деспота, необходим был заговор. А это означало, что борьба мирного исхода иметь не могла»³⁸. Итак, заговор был неизбежен. «Люди умные и благородные понимали все значение той меры, на которую должны были решиться заговорщики. Люди осторожные и нерешительные ограничивались лишь сочувствием заговорщикам: они до такой степени ненавидели режим, что мирились с тем злом, которое неизбежно для удачи заговора»³⁹.

В сущности, если подвести итог вышеизложенному спору, посвященному психическому состоянию Павла, то он был запоздалым обменом мнений по поводу проблем, выдвигавшихся еще в годы, предшествовавшие первой русской революции. Доказывая с медицинской точки зрения неубедительность утверждения о душевной болезни Павла и тем самым солидаризируясь с давно забытыми характеристиками Д. Милютин и П. Буцинского, В. Чиж, однако, пытается этим путем дать обоснование намекам, высказанным в 1901 г. Н. К. Шильдером, который полностью придерживался противоположной точки зрения. Н. К. Шильдер, пытаясь всячески доказать безумие Павла и соответствующим образом тенденциозно подбирая необходимый для этого материал, не будучи, однако, врачом, не смог дать положительного решения и формально оставил вопрос открытым. Благодаря этому повисала в воздухе и оценка событий 11 марта 1801 года. Шильдер явно стремился доказать правомерность заговора болезнью императора. Он последовательно вел читателя к такому выводу, но для полного успеха ему не хватало медицинского заключения.

П. Ковалевский поставил необходимый диагноз. Но, пользуясь тенденциозным, в большинстве случаев анекдотическим материалом, подоб-

³⁵ Там же, стр. 675.

³⁶ Там же. Кн. 88, стр. 270.

³⁷ Там же. Кн. 90, стр. 676.

³⁸ Там же, стр. 677.

³⁹ Там же, стр. 606.

ранным Шильдером, психиатр, в сущности, оказал дурную услугу уже покойному к этому времени историку. Медицинское заключение Ковалевского, как мы уже отмечали, выглядело малоубедительно, а тем самым убийство Павла, о котором по цензурным соображениям Шильдер еще писать не мог, но которое он постоянно в своем изложении имел в виду, теряло всякое оправдание. Пришедший на помощь В. Чиж, последовательно опровергнув доказательства П. Ковалевского, выдвинул предположение о господстве в психической жизни Павла разрушительных процессов, которые повлекли за собою значительно более печальные последствия по сравнению с теми, которые могли бы иметь место в том случае, если бы страной правил душевнобольной. Тем самым новый диагноз призван был, точно так же, как и старый, оправдать идею царевубийства.

Но, как мы уже указывали, если в дореволюционные годы признание Павла безумцем, как и констатация его непригодности к государственной деятельности, в равной мере имело принципиальное значение для оправдания убийства, о котором хотя и не писали, но все знали, то теперь, в годы первой русской революции, положение было иным. Теперь для реакционных историков важны были не оправдательные доводы для убийства царя при соответствующих обстоятельствах, а провозглашение принципа неприкосновенности при всех обстоятельствах «помазанника божьего».

Мнение реакционной историографии о событиях 1801 г. в период после отмены цензурных запретов воплотилось не в исторических разысканиях А. Г. Брикснера и не в медицинских заключениях В. Чижа, а в работе Е. С. Шумигорского и в сборнике мемуаров, изданном А. С. Суворинным и озаглавленном «Царевубийство 11 марта 1801 года». Обе эти работы также вышли в свет в 1907 году.

Уже во введении Е. С. Шумигорский вопреки своим недавним предшественникам решительно осуждает многочисленные попытки приписать Павлу какие бы то ни было качества патологического характера. «Зрагами истории, нелицеприятной и правдивой, явились, — пишет он, — прежде всего все лица, которые боролись против правительственной системы Павла и против него самого, и как при жизни, так после смерти его пользовались всеми средствами, чтобы выставить все его действия в непривлекательном виде: это служило к оправданию их самих и их деяний»⁴⁰. Далее выдвигается положение о том, что акт убийства был инспирирован английским правительством, на что в свое время намекал и Буцинский, и добавляется, что все это было осуществлено продажными иностранцами, находившимися на русской службе. «В Лондоне, — утверждает Е. С. Шумигорский, — не только знали о готовящемся заговоре на жизнь императора Павла, но даже способствовали успеху заговора деньгами». Признавая, что документально это положение подтверждено быть не может, Шумигорский основывает свои выводы на слухах, циркулировавших среди современников; он придает большое значение связи сестры Зубовых Жеребцовой с английским послом в Петербурге Витвортом. Шумигорский ссылается на тот факт, что «Питт, стоявший тогда во главе английского министерства, никогда не отказывал в субсидиях на выгодные для Англии дела на континенте, а Наполеон, имевший бесспорно хорошие сведения, успех заговора на жизнь императора Павла прямо объяснял действием английского золота»⁴¹.

Итак, царевубийство 1801 г. было всецело подготовлено иностранной державой. Это утверждение дополнялось еще одним, в период первой русской революции весьма существенным для реакционной историографии: осуществлением замысла также руководили иностранные наемники, ибо русские патриоты не могут поднять руки на «помазанника божьего». Именно граф Пален после удаления Панина поставил целью заговора

⁴⁰ Е. С. Шумигорский. Император Павел I. СПб. 1907, стр. 3.

⁴¹ Там же, стр. 199.

«совершенное устранение Павла от престола какую бы то ни было ценою». Именно он «избрал правою рукою своего генерала Бенигсена, находившегося на русской службе, но бывшего подданным английского короля по ганноверскому своему происхождению». Пален же сознательно обманул наследника, обещав ему сохранить жизнь отца, последовательно подготавливая его убийство. Что же касается тех русских людей, которые оказались в мартовскую ночь в спальне императора, то это были карьеристы типа Зубовых или пьяные офицеры, чем-либо Павлом обиженные, вроде Скарятин, Яшвиля и других. Подлинными же патриотами в создавшихся условиях не смогли уберечь жизнь монарха. «Деспот,— завершает свою мысль Шумигорский,— желал иметь возле себя одних лишь рабов — и в этом заключался главный источник его гибели. Рабы сделались орудием предателей: люди же, преданные Павлу, по их наветам, были постепенно изгоняемы из столицы. Павел скоро начал чувствовать вокруг себя пустыню»⁴².

В сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года», призванный вскрыть все пружины прискорбных событий прошлого, дабы «избежать в будущем новых страданий, новых деяний злобы, порока, крови и преступления»⁴³, вошли преимущественно мемуары, разбросанные в заграничной периодике и частично уже вошедшие в специальные издания⁴⁴. С публикацией на русском языке снабженных «направляющим» предисловием воспоминаний участников заговора и современников по ряду обстоятельств явно торопились. Идея, вскользь высказанная Шумигорским: заговор подготовлен иностранной державой и осуществлен подкупленными иностранцами, — незамедлительно требовала веского обоснования. И в первую очередь это было связано с необходимостью противостоять тому потоку популярной литературы о смерти Павла, которым теперь был заполнен книжный рынок. Об этом обстоятельстве анонимный автор предисловия писал совершенно откровенно. «Болезненные и кровавые события прошлого, документы, относящиеся к самым темным страницам хроники петербургского периода русской истории, выбрасываются на книжный рынок, в большую публику, в плохих, но дешевых изданиях, без всякой критической оценки и надлежащего освещения. Такие издания, нередко брошюры, рассчитаны исключительно на возбуждение в широких кругах читателей недовольства и негодования на темные стороны прошлого»⁴⁵. Итак, создание мощной «идейной преграды» для обширной информации о судьбе императора Павла — вот одна из задач, поставленных перед суворинским сборником.

Прежде всего в целях более широкого обоснования заново провозглашенной Шумигорским и выдвинутой более ста лет назад Наполеоном концепции читателю преподносится характеристика Павла, диаметрально противоположная имеющимся у Ключевского, Шильдера, Брикнера и Семевского. Утверждения Палена и Бенигсена, равно как и других участников заговора, что Павел был «кровожадным безумцем», «остаются, — как утверждает автор предисловия, — голословными и не подтверждены ими решительно ничем». Между тем лица беспристрастные и постоянно при императоре находившиеся, такие, как Саблуков, дают ему совсем иную характеристику. Подводя итог той разногласице в характеристике Павла, которая существует у современников и историков, автор предисловия пишет: «В конечном выводе изучение военного и гражданского управления России при Павле заставляет признать, что этот государь имел трезвый и практический ум и способность к системе; что мероприятия его направлены были против глубоких язв и злоупотребле-

⁴² Там же, стр. 201.

⁴³ «Цареубийство 11 марта 1801 года». СПб. 1907, стр. 1.

⁴⁴ Ф. Ф. Ш и м а н. Убиение Павла I и восшествие на престол Александра I. Новые материалы. Берлин. 1902.

⁴⁵ «Цареубийство 11 марта 1801 года», стр. 1.

ний и в значительной мере ему удалось исцелить от них империю, внося больший порядок в гвардию и армию, сократив роскошь и беспутство, облегчив тягости народа, упорядочив финансы, улучшив правосудие»⁴⁶.

Таким образом, отпадает и второй довод в пользу совершенного 11 марта акта: о спасении не только царской семьи от угрожавшей ей со стороны безумца опасности, но и спасении России от революции, на грани которой вследствие правления Павла она уже якобы оказалась. Подобные утверждения Бенигсеном и Паленом действительно делались. Так, Бенигсен заявлял, что Павла следовало убрать для того, чтобы «удержать Россию на краю пропасти», «спасти государство», ибо «революция, вызванная всеобщим недовольством, должна была вспыхнуть не сегодня-завтра». В свою очередь, Пален объяснял законность переворота желанием «избавить Россию, а может быть, и всю Европу, от кровавой и неизбежной смуты». Приведя эти цитаты, автор предисловия задает два вопроса: «Правда ли недовольство было всеобщим, охватившим всю нацию? Правда ли, что грозила революция?» И отвечает лаконично и категорично: «Ничего подобного»⁴⁷.

Итак, события 11 марта не «патриотический подвиг», как его представляют участники, а инспирированная иностранной державой насильственная расправа с видным государственным деятелем. Ссылаясь на Е. Шумигорского и его предположения о роли английского золота, автор предисловия еще больше усиливает акцент на роли иностранных «преторианцев», служивших при русском дворе. Вот почему отобранные для публикации мемуары в первую очередь посвящены роли Палена и Бенигсена, которые характеризуются как главные руководители и исполнители заговора. Именно «кистый иезуит» Пален, обманувший доверчивого Александра, автор «адского» плана усиления «всеобщего ожесточения» против Павла, и «ганноверец» Бенигсен — эти два «кондотьера» — являются подлинными виновниками злодейской расправы в Михайловском замке. Что же касается судьбы Павла, то она «есть следствие семидесятипятилетнего женского правления через любовников и угодников, следствие возвышения всевозможных авантюристов и проходимцев-иностранцев и унижения коренных русских людей и старослужилых родов честных выходцев с Запада». И в заключительных строках предисловия автор считает необходимым подчеркнуть, что первым, кто поднял руку на представителя царской фамилии, был Петр I, деяния которого и развязали те стихийные силы, которые покончили с Павлом. «Судьба Павла Петровича,— пишет он,— есть следствие убийства царевича Алексея Петровича, казненного ослепленным родителем; цареубийство 11 марта 1801 года есть прямое следствие сыноубийства 26 июня 1718 года»⁴⁸.

Однако после первой русской революции реакционная трактовка причин, приведших к заговору 1801 г., не ограничилась лаконичной формулой Шумигорского и ее дальнейшим развитием в предисловии к суворинскому сборнику. Упрощенное объяснение: иностранная держава в своих интересах подготовила заговор, а иностранные наемники его осуществили,— явно было рассчитано на неискушенного читателя и не отвечало требованиям реакционной верхушки, которая стремилась не только сохранить сильную самодержавную власть, но и несколько ее модернизировать в своих интересах.

В этом плане показательна концепция, выдвинутая в 1908 г. Д. С. Мережковским в первой части драматической трилогии «Павел I», которую по ее политической направленности можно охарактеризовать как октябристский вариант трактовки событий 1801 года. В этой

⁴⁶ Там же, стр. XXIII—XXIV.

⁴⁷ Там же, стр. XXIV.

⁴⁸ Там же, стр. XVIII.

нашумевшей пьесе в характерном для автора мистическом облачении была заключена определенная полигическая программа, идеализирующая новую, «конституционную» монархию, снимающая с нее ответственность за все прегрешения прошлого и в довершение всего грубо поносящая идею революционного преобразования в целом и русскую революцию в частности. В отборе материала Д. Мережковский был явно невзыскателен и использует в пьесе заведомо анекдотические рассказы. Так, здесь фигурирует анекдот о полке, которому Павел якобы скомандовал «Направо кругом марш в Сибирь» и который удалось остановить только в Новгороде. Здесь же Павел вполне серьезно повествует о своей встрече с тенью Петра, несмотря на убедительность доказательства В. Чижика о том, что эта новелла выдумана от начала до конца, и др.

Но в то же время, привлекая материал, который обычно используется для подтверждения мысли о сумасшествии Павла, Мережковский, подобно Шумигорскому, решительно отрицает столь распространенную в литературе концепцию. Подобное убеждение Пален всячески, как показывает Мережковский, пытался внушить придворным, заявляя, что нет на свете страшилища, равного безумному самодержцу; он «как хищный зверь, что вырвался из клетки и на всех кидается». Павел является нормальным человеком, и он понимает, что его сознательно провоцируют на резкие выходы, дабы упрочить версию о его сумасшествии. В одной из сцен пьесы Павел со скорбью рассказывает А. Гагариной о том, как окружающие всячески стремятся вывести его из равновесия⁴⁹. Всю жизнь он стремился к ласке, но постоянно оказывался объектом насмешек и издевательств. Раньше с откровенным умыслом этим занимались родная мать и ее приближенные, а затем, правда, уже скрытно, члены его собственной семьи и его придворные. Он одинок, а потому несчастен, и единственный человек, который его любит и нежность и ласка которого примиряют его с людьми,— это Анна Гагарина. Но Павел, так стремившийся к добру, не жилец на свете. Он обречен стать жертвой и не за собственные грехи, а за грехи своих предков. Деяния его предшественников, уже давно ушедших в мир иной, развязали стихию самоуправных действий военной касты, которая наметила его объектом своей расправы. И Павел это чувствует⁵⁰.

Эта военная каста представляет собою своеобразную амальгаму из авантюристов и «революционеров», в равной мере порожденных деспотизмом и являющихся, по характеристике Мережковского, тождественными группировками и по своим целям и по своим методам. И в поисках первопричины, давшей возможность военной касте самовластно распоряжаться самодержавным правителем, драматург приходит к выводу, что это было обусловлено преступлениями самой верховной власти, неоднократно нарушавшей принципы гуманизма. Действующая рука об руку авантюристы и так называемые революционеры, по определению Мережковского, прежде всего являются карьеристами, по тем или иным причинам затаившими против государя личную обиду. Они не брезгают для достижения своей цели никакими средствами. Пален — глава авантюристов, обманывает Александра, сообщая ему о спровоцированном решении отца его расстрелять. Тот же Пален обманным путем получает от Павла, которому он нащепал ложные сведения об участии наследника в заговоре, указ об его аресте. Так в руках проходимца оказалась судьба доверчивого Павла и кроткого Александра. И хотя авантюристы твердят лишь о свержении тирана, а так называемые революционеры — о ликвидации тирании,— и те и другие далее эгоистических устремлений в действительности не идут.

⁴⁹ Д. Мережковский. Павел I. СПб. 1908, стр. 202.

⁵⁰ Там же, стр. 203.

Пытаясь дискредитировать великую идею революционного преобразования общества, Мережковский в то же время ставит под сомнение закономерность абсолютной монархии. Дворцовые перевороты — это прямое порождение абсолютистской монархии — не способны, по его мнению, умерить прихоть властолюбца, ибо «умер Павел, жив Аракчеев — умер зверь, жив зверь». И нового государя «не на престол будто, а на плаху ведут... дедушкины убийцы позади, батюшкины убийцы впереди»⁵¹. И единственный путь к прогрессу, намекает Д. Мережковский, — это конституционная монархия, устанавливаемая без революционных потрясений.

В 1908—1914 гг. к событиям 1801 г. дважды обращался М. Н. Покровский: в первом томе «Истории России в XIX веке» и в IV томе «Русской истории с древнейших времен». В «Истории России в XIX веке» М. Н. Покровскому принадлежит краткая глава «Павел Петрович», которую он писал в тяжелых условиях эмиграции, не имея документальных источников, по материалам, заимствованным из вторых рук. В этом очерке М. Н. Покровский прежде всего категорически отрицает наличие каких бы то ни было политических причин, обусловивших появление заговора, и решительно заявляет, что «убийство крепостными жестокого барина и убийство Павла I его придворными — два совершенно параллельные явления»⁵². Будучи человеком «с развинченной нервной системой», которого современный психиатр, не задумываясь, отнес бы в рубрику «истерия», Павел I в довершение этих «качеств» был еще и алкоголиком. Это было «наследство», полученное от Петра III, которого М. Н. Покровский считает отцом сына Екатерины II.

В конечном счете в результате правительственных мероприятий, определенных минутной прихотью, Павел, как считает автор, систематически нарушал привилегии дворянства. Изменить законы истории он, естественно, не мог, но, «сделавшись врагом господствующего класса», он вместе с тем стал «воплощением надежд и чаяний классов угнетенных». В подтверждение своей мысли М. Н. Покровский приводит цитату из письма прусского посланника, утверждавшего, что отвращение дворянства к режиму Павла «превосходит все, что можно сказать. Полная неуверенность в завтрашнем дне и непрерывные нововведения доводят его до отчаяния. Только городское простонародье и крестьяне любят своего государя»⁵³. Таким образом, характеризуя Павла как неуравновешенного, близкого к помешательству правителя, М. Н. Покровский в то же время высказывает мнение, которое было развито в исторической литературе в годы, предшествовавшие первой русской революции, об антидворянской и прокрестьянской направленности его политической системы. Из этого тезиса закономерно вытекает и оценка М. Н. Покровским событий 1801 года. «Это была, — писал он, — месть господствующего и привилегированного класса за попытку коснуться грубой рукой его интересов и привилегий». Возникший заговор, по мнению М. Н. Покровского, «был одним из самых элементарных, какие знает история. Принципиальная сторона в нем совершенно отсутствовала, говорило исключительно задетое шкурное чувство»⁵⁴. Это положение автор иллюстрирует ссылкой на то, что капризы Павла коснулись и экономических основ жизни дворянства, и на то, что определяющую роль в решении убрать сумасшедшего правителя сыграл также разрыв с Англией, который нанес удар материальному благополучию дворянства. Итак, антидворянская политика стояла головы дворянскому самодержцу — вот вывод, к которому пришел М. Н. Покровский.

⁵¹ Там же, стр. 260—261.

⁵² «История России в XIX веке». Т. I. Изд-е бр. Гранат, стр. 22.

⁵³ Там же, стр. 27.

⁵⁴ Там же, стр. 28, 29.

Все написанное М. Н. Покровским в IV томе «Русской истории с древнейших времен» ярко характеризует то промежуточное положение, в котором в те годы оказался автор, отказавшийся от либеральной концепции русского исторического процесса, но еще не достигший марксистской его трактовки. В раскрытии павловского времени в целом М. Н. Покровский теперь придерживается воззрений В. О. Ключевского, характеризуя этот период как годы полицейского деспотизма. Все то, что содержалось в работах Милютина, Буцинского и поддерживалось им самим в «Истории России в XIX веке», теперь для М. Н. Покровского неприемлемо. Но в то же время в событиях 1801 г. он усматривает не только расправу с ненавистным правителем, но и нечто новое, отличное от дворцовых переворотов второй четверти XVIII века. «Этот заговор,— указывает М. Н. Покровский,— становится исходной точкой дворянского оппозиционного движения, наполняющего собою все первое десятилетие XIX в. и преемственно связанного с другим заговором, по составу участников, тоже дворянским — заговором декабристов. Первый заговор,— был стихийным взрывом, почти можно бы сказать — рефлексивным жестом самообороны от «порядка», которому с таким фанатизмом служил Павел. Второй был сознательной попыткой поставить на место полицейского порядка нечто иное». Отсюда следует вывод: «Участники второго были детьми заговорщиков 1801 г. если не в буквальном физиологическом смысле, то как непосредственно следующее поколение того же общественного класса»⁵⁵.

Итак, по Покровскому, заговор 11 марта 1801 г., равно как и заговор 14 декабря 1825 г.,— это выступления дворян-революционеров (если понимать под революционерами всех протестующих против существующих порядков). В первом случае имеет место стихийное выступление без четкой политической программы, а во втором — организованное выступление, базирующееся на определенных осознанных требованиях. Сближая 1801 г. с 1825 г., М. Н. Покровский (хотел ли он того или нет), бесспорно, придавал убийству Павла хотя и узкоограниченный, но все же революционный характер. Это был как бы террористический акт, совершаемый революционерами, а не обычный дворцовый переворот. Такое сближение умаляло значение 1825 г., делая выступление на Сенатской площади сродни дворцовым переворотам, в то время как декабристы являлись убежденными противниками последних. М. Н. Покровский считал, что часть заговорщиков 1801 г.— эти «духовные отцы» декабристов были в довершение всего наемными убийцами. «Пален и Бенигсен,— утверждает он,— принадлежат к числу таких фигур, поведение которых, если мы исключим возможность английских субсидий, является совершенно загадочным»⁵⁶.

Таким образом, правильно отмечая некоторые особенности в событиях 1801 г. по сравнению с дворцовыми переворотами второй четверти XVIII в., М. Н. Покровский не разобрался в ряде напластований в заговоре против Павла I. Он, безусловно, правильно если не выявил, то, во всяком случае, почувствовал нечто новое в этих событиях, что было раскрыто позднее в работах советских исследователей.

В русскую дореволюционную историографию павловского времени, по существу, органически входит и монография польского историка К. Валишевского «Сын великой Екатерины». Хотя Валишевский писал свои обширные труды только на французском языке и в России они появились в переводах, по своему мировоззрению он был связан с суворинским «Новым временем», где систематически сотрудничал, а книги его издавались преимущественно этим же издательством. Монография

⁵⁵ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. IV. М. 1914, стр. 227—228.

⁵⁶ Там же, стр. 152.

К. Валишевского вышла в свет в 1912 г. в Париже и в 1914 г. в Петербурге. В ней, используя большой (правда, не всегда критически осмысленный) материал, автор прежде всего самым решительным образом повторяет концепцию Шумигорского и предисловия суворинского сборника, отрицающая версию о безумии императора Павла в патологическом значении этого слова.

В связи с тем, что книга К. Валишевского создавалась в годы революционного подъема, вопрос о безумии Павла приобрел в ней новый нюанс; внимание автора привлекли уступки, якобы сделанные императором представителям революционного лагеря. «Казус» заключался в том, что, будучи непримиримым врагом революции, Павел в то же время пошел на соглашение с «детьми революции», каковым Валишевский считает консула Бонапарта. Так, Валишевский, отрицая у Павла безумие патологическое, утверждает, что ему было присуще безумие политическое. Вступив на некоторое время в «противореволюционную лигу», Павел, как считает К. Валишевский, затем «вышел из нее, чтобы сойтись с героем 18 брюмера и вместе с ним мечтать о разрушении старого порядка в Европе и о разделении мира между ними двоими. Что это как не указание на родство Павла, и родство несомненное, со множеством расстроенных и неуравновешенных умов той эпохи, охваченных вместе с ним ее великим политическим и нравственным неврозом? Он был, конечно,—завершает свою мысль К. Валишевский,—подлинным сыном революции, которую он так пламенно ненавидел и против которой боролся. Его нельзя назвать поэтому ни сумасшедшим в патологическом значении этого слова, ни даже слабоумным... просто как человек посредственного ума, он не мог устоять против общего умственного кризиса, заставлявшего бредить даже самых сильных»⁵⁷. И именно «политическое» безумие сделало неизбежным удаление его от власти, хотя, как добавляет при этом автор, «еще не доказано, чтобы форма, приданная этому способу народного спасения, являлась необходимостью». И все же прибегли к этой традиционной форме смелы правителя.

К. Валишевский считает, что о дворцовом перевороте начали думать значительно раньше, чем разыгрались события 1801 года. В первую очередь это относится к Александру, который, по мнению Валишевского, несет большую ответственность за трагическую судьбу своего предшественника. «Менее чем через год после восшествия на престол... отца», пишет Валишевский, Александр «допускал... необходимость изменить революционным путем правильный порядок престолонаследия и политическую организацию страны»⁵⁸. В то же время Валишевский решительно отвергает мнение о том, что решение об убийстве Павла было принято под английским влиянием, а в связи с этим и наличие каких-либо субсидий, которые могли быть получены в награду за это «деяние» участниками заговора. Автор считает, что Витворт, будучи любовником Жеребцовой, был осведомлен о заговоре и, возможно, «высказывал ему некоторое сочувствие и в последнее время своего пребывания в Петербурге втайне его поощрял». Но «это одно» только и можно предположить. Тем более что при отъезде посланника в мае 1800 г. заговор только что был составлен, а позднее Витворт, «поглощенный заботами, доставленными ему его новым положением, в котором ему предстояло утвердиться женитьбой на леди Арабелле и управлением огромным унаследованным ею состоянием, совершенно перестал интересоваться русскими делами».

Неопределенные ожидания и ни на чем не основанные надежды на свержение отца, которые временами появлялись у наследника уже в

⁵⁷ К. В а л и ш е в с к и й. Сын великой Екатерины. СПб. Б/г, стр. XIX—XX.

⁵⁸ Там же, стр. 521.

1797—1798 гг., пишет Валишевский, начинают приобретать формы организованного антипавловского заговора позднее и в первую очередь связаны с Н. П. Паниным. Стремясь предупредить катастрофу, грозящую России вследствие ошибок, совершаемых Павлом в области внешней политики, и придя к выводу о необходимости положить предел его правлению, Панин хотя и делал первые попытки создать заговор, но не был, однако, способен к широким активным действиям и не обладал ярким организационным талантом. Эти качества в полной мере были присущи графу Палену (энергично продолжившему дело, начатое Паниным), который, как и многие другие участники заговора, руководствовался прежде всего чисто карьеристскими соображениями. Что же касается Александра, то он, мечтая занять место отца, по мнению автора, не очень вникал в вопрос, с помощью каких методов удастся этого достигнуть. «Он никому не мешал, вздыхал и закрывал на все глаза»⁵⁹.

Завершением историографии событий 1801 г. в дореволюционные годы явилась монография М. В. Клочкова, вышедшая в свет в 1916 году. Для нее специфичны два момента. Во-первых, автор совершенно не касается истории мартовских событий и процесса возникновения заговора. Во-вторых, в ней, как и в русском издании книги А. Г. Брикнера, происходит «объединение» либеральной и реакционной концепций. Но если в первой работе объединение было чисто «механическим», а не «органическим» (под одним переплетом объединились две рукописи — реакционное по своей концентрации сочинение Брикнера и использующее некоторые его выводы либеральное сочинение Семеvского), то в книге Клочкова либеральная концепция в общем тексте мирно уживается с синодскими замыслами в отношении канонизации Павла Петровича.

Используя большой и новый фактический материал, М. В. Клочков в общей оценке павловского времени выступает с несколько модернизированной концепцией Буцинского. Не соглашаясь с утверждением о наличии у Павла четко продуманной демократической программы, М. В. Клочков полагает, что Павел тем не менее посягал на привилегированное положение дворянства. Поэтому, естественно, он «оказался неприемлемым для этого избалованного исключительными милостями прежних монархов класса»⁶⁰. Именно этим Клочков объясняет и возникновение легенды, которая, по его словам, «распространена среди простого народа и до настоящего времени». После трагической кончины Павла, пишет Клочков, «распространилась молва, что императора Павла удавили генералы да господа за его справедливость и за сочувствие простому народу, что он — мученик, «святой»; молитва на его могиле многим спасительна; она помогает при неудачах по службе, когда обходят назначениями, повышениями и наградами, в судебных делах, помогая каждому добиться правды в судах, — в неудачной любви и несчастливой семейной жизни»⁶¹. Представитель либеральной школы М. В. Клочков в канун второй русской революции договаривается до того, что императора Павла за его справедливость удавили «генералы да господа»; он явно сочувствует намерениям Синода причислить Павла к лику святых, что намечено было совершить в марте 1917 года.

⁵⁹ Там же, стр. 566.

⁶⁰ М. В. Клочков. Указ. соч., стр. 584.

⁶¹ Там же, стр. 583.